

ДВУХУРОВНЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Структура кыргызского предложения в современной описательной грамматике должна быть представлена как структура его предикативного ядра. Типы структур различаются на основе морфологического оформления главных членов предложения (или одного — предиката), и, таким образом, систематизация грамматических типов — это систематизация морфологизированных структурных схем, что в общем соответствует типологическому признаку тюркских языков.

Можно, однако, представить дело и так, что в кыргызском языке действует не один, а два принципа организации предложения. Первый можно назвать подлежащно-сказуемым, второй — темарематическим. Первый принцип отражен в предложениях, построенных (в основной своей массе) в соответствии со структурными схемами. Вторым принцип отражен в целом ряде структур распространенных (реже — нераспространенных) простых предложений, которые отличаются тем, что являют собой устойчивую (типизированную) связь между компонентами АЧ, компонентами семантической структуры и членами предложения — как правило, распространителями предикативного ядра. Структуры этого типа, в частности те, которые имеют в качестве определяющего компонента второстепенный член с семантической функцией косвенного субъекта, не раз описывались и получали объяснение с той или иной позиции: с позиции способов распространения предикативного ядра и типов синтаксических связей слов — через понятие «детерминант»; с позиции семантической структуры предложения — через понятие «расширенная структурная схема»; с позиции принципиального неразличения грамматических и семантических основ типологии предложения — с помощью расширительной трактовки подлежащего (Ср. работы Н.Х.Ахматова по кыргыско-рачаевоболкарскому языку). В любом случае решалась задача определить (квалифицировать) специфику синтаксического отношения в той же плоскости, что и отношения в простой, стандартной модели, то есть описать ее в терминах членов предложения с указанием на способы их морфологического выражения и семантические функции.

Между тем организующим началом перечисленных структур является темарематическое, а не субъектно-предикатное отношение (Абдуллаев, 2004, с.25). Во всех случаях «детерминант» (в том числе и субъектный) представляет Т, а остальная часть предложения R. Подлежащее, там, где оно есть, включено в R. Тема и рема в этих структурах имеют типизированное оформление (определенный набор словоформ для каждого класса структур), отражающее их семантическую функцию. Это говорит о том, что здесь Т — R отношение уже не принадлежит «актуальному членению» в собственном смысле. Это не коммуникативный вариант, не член коммуникативной парадигмы предложения (коммуникативный эпизод), как в случае *Kitem berdi bizge бала* (в ряду *Бала бизге китеп берди* и т. д.), а самостоятельная структура, готовая к своему собственному коммуникативному варьированию в соответствии с задачами высказывания (ср.: *Кызда гүл бар — Гүл кызда (бар)*).

Таким образом, предложения всех приведенных здесь образцов имеют двухърусное строение. Их можно назвать двухуровневыми конструкциями. В едином предложении мы имеем две формально-синтаксические модели — со своим самостоятельным синтаксическим значением. Их нельзя совместить, представив как расширенную схему. Это особенно хорошо видно в случаях, когда R представлена предикативным сочетанием типа *Мураттын аты көздөн кайып болду*. В моделях двух разных уровней имя в Им. падеже имеет разный статус: в одной модели (подлежащно-сказуемой) это компонент, своей формой определяющий структурный тип ПЕ, в другой — это важнейший элемент R, для которого, однако, тип словоформы нерелевантен. Ср.: *Мураттын атын уурдап кетишти*. Линии синтаксических

отношений в каждой из двух взаимодействующих моделей не пересекаются.

Названные две модели находятся в иерархическом отношении. Модель первого (низшего) уровня — морфолого-синтаксическая, порядок слов нерелевантен. Модель второго (более высокого) уровня включает в качестве определяющего собственно-синтаксический признак — порядок слов.

Тема-рематический принцип организации предложения фактически отражен в описании некоторых типов простого предложения, а именно в тех, где в двучленном ядре ПЕ функции компонентов (подлежащее — сказуемое) на морфолого-синтаксическом уровне не обозначены. Таковы предложения, построенные по структурной схеме: N1 — N1.

В трактовке таких предложений нужно фактически использовать критерий АЧ в сочетании с семантическим. Т — R принцип обнаруживает себя и в формировании эллиптических структур. Предикативный член, представляющий R, является обязательным компонентом предложения, то есть элементом структуры, формируемой на втором уровне. Именно этот синтаксический принцип обеспечивает структурную самостоятельность предложениям с нулевым бытийным предикатом типа *Балдар короодо..*

Не все типы простого предложения имеют двухъярусное строение. Есть три возможности: 1) предложение имеет одноярусную структуру, определяемую структурой предикативного ядра (структурные схемы N1 — VF, N1 — Adj, Praed и многие другие; 2) предложение имеет одноярусную структуру, определяемую T-R отношением (N1 — N1 — *Мурат – мугалим. Мугалим – Мурат.* и др); 3) предложения, имеющие двухъярусную структуру

В кыргызском языке существуют структурно простые, но семантически сложные предложения. В этих монопредикативных полипропозитивных предложениях содержится объем информации, изосемическим способом, репрезентацией которой является сложное предложение. Несоответствие между планом содержания и планом выражения позволяет квалифицировать данные конструкции как асимметричные. В них атрибутивный определитель в присубъектной позиции репрезентирует отдельную пропозицию, является включенным предикатом, который мотивирует основной предикат (отношения между основным предикатом и включенным могут быть эксплицированы с помощью союза *если...то*). Включенный предикат является обязательным компонентом семантической модели предложения, а сами конструкции — семантически осложненными простыми предложениями. Очевидно, однако, что любое качественное прилагательное в атрибутивной позиции, введенное в предложение, увеличивает количество пропозиций на одну, делает предложение семантически неэлементарным (см.: Прияткина, 1990, 128), поскольку является предикатным знаком (см.: Богданов, 1977), «снятым», «погашенным» предикатом (см.: Черемисина, 1987, 18). Однако есть существенное различие между просто включенным предикатом и включенным предикатом, осложняющим смысловую структуру предложения. Не всякое качественно-характеризующее прилагательное в атрибутивной позиции приводит к семантическому осложнению предложения. Понятие семантически неэлементарного предложения (полипропозитивного) и семантически осложненного соотносятся как родовое с видовым: полипропозитивное предложение может быть семантически осложненным и семантически неосложненным. В одном случае атрибут осложняет предложение вширь, в другом — вглубь. В первом случае определитель является модельно факультативным, во втором — модельно обязательным. Об осложнении вширь можно говорить лишь в том случае, если между основной пропозицией и пропозицией, репрезентируемой атрибутом, устанавливаются отношения конъюнкции (т. н. «и отношения»). Определитель в этом случае не является обязательным компонентом семантической модели предложения. Если же между названными пропозициями устанавливаются отношения импликации, происходит осложнение вглубь. Атрибутивный определитель является обязательным компонентом семантической модели, так как он участвует в ее формировании. Сравним два предложения: (1) *Акылдуу бала бөлмөгө кирди*; (2) *Акылдуу душман кооптуу (болот)*. Оба они являются полипропозитивными, функция атрибутивного определителя в обоих

случаях – репрезентировать включенную пропозицию, однако их роль в формировании семантической модели предложения различна. Полипропозитивные предложения с присубъектным атрибутом могут быть результатом одного из двух деривационных процессов – контаминации и компрессии. По мнению Л. Н. Мурзина, контаминация есть такое слияние двух предложений, при котором одно из заданных предложений оказывается в позиции другого (ср.: *Плотники строят дом + Дом новый = Плотники строят новый дом*). В результате компрессии объем предложения уменьшается, а прежняя информация сохраняется (ср.: *Плотники строят дом – Строят дом*) (см.: Мурзин, 1984, 27). По мнению О. А. Москальской, суть компрессии состоит в том, что за счет свернутых пропозиций в предложение включается одна или несколько предикатных линий, что влечет за собой осложнение синтаксической структуры и увеличение его глубины

Возвращаясь к нашим примерам, напомним, что оба предложения полипропозитивны, однако в (1) обе пропозиции находятся в отношениях конъюнкции, а в (2) – в отношениях импликации. Атрибутивный определитель в позиции при субъекте (грамматическом или семантическом) является результатом компрессии придаточного предложения со значением обусловленности.

Если под семантическим осложнением понимать ситуацию, когда в рамках монопредикативного предложения выражено грамматическое значение сложного предложения, а грамматическим значением сложного предложения, в свою очередь, считать номинацию отношений между событиями/ситуациями/положениями дел, то следует констатировать, что наличие одной только полипропозитивности не является показателем семантического осложнения предложения. Иными словами, пример (1) – это полипропозитивное, но не семантически осложненное предложение, так как в нем (об этом уже было сказано) две пропозиции находятся в отношениях конъюнкции. Конъюнкция же не является прерогативой сложного предложения. Не случайно некоторые исследователи настаивают на том, чтобы вывести сложносочиненные предложения за рамки сложного предложения, поскольку, по их мнению, части, составляющие сложносочиненные предложения, не интегрируются, а лишь соединяются друг с другом.

В теории сложного предложения существует идея о том, что степень «сложности» сложного предложения может быть различной: есть истинно сложные предложения, «канонически» сложные: например, сложноподчиненное предложение с семантическим союзом *потому что*; каким бы нелепым ни было лексическое наполнение предикативных единиц в сложноподчиненном предложении с *потому что*, предложение будет выражать отношения причины благодаря сильному семантическому союзу. Ср.: *Стены были зеленые, потому что столы были круглые* (пример, приведенный М. И. Черемисиной на одной из лекций). Есть «менее сложные» сложные предложения: например, сложноподчиненные предложения с асемантическими союзами, в которых, помимо союза, большую роль в формировании грамматического значения играет фактор лексического наполнения предикативных частей – ср. местоименно-соотносительные и изъяснительные предложения с союзом *что*, который является лишь формальной скрепой и не участвует в формировании смысловых отношений, иначе говоря, союз является показателем связи, но не каузатором отношений. Еще менее сложными являются, например, сложносочиненные предложения, а среди последних сложносочиненные предложения открытой структуры с неодноместным союзом *и...и*. Сторонники этой точки зрения считают, что наличие одной только полипредикативности еще не является показателем «истинной сложности» сложного предложения, обязательно должен быть показатель связи между предикативными единицами, каузатор отношений между ними и, как следствие этого, грамматическое значение сложного предложения – номинация отношений между событиями (см. об этом: Черемисина, Колосова, 1987, 79; Дьячкова, 1989). С этой точки зрения, понятно, почему сложносочиненные предложения с союзом *и...и* ряд исследователей исключает из состава сложных предложений: в них наличествует только фактор полипредикативности, а отношения перечисления, которые в них репрезентированы, не являются грамматическим значением сложного предложения

– они могут быть выражены и на уровне перечислительного ряда однородных членов предложения (см., например: Белошапкина, 1977, 209; Левицкий, 1980, 21; Шведова, 1969, 321 и др.). Весьма убедительно, на наш взгляд, эта идея сформулирована В. Г. Валимовой: «При перечислении явления только называются, связи между ними не устанавливаются, а без синтаксических отношений не может быть цельности единицы, того, что называется сложным предложением» (Валимова, 1975, 186).

Экскурс в теорию сложного предложения понадобился нам для того, чтобы сопоставить роль полипредикативности в организации сложного предложения с ролью полипропозитивности в организации семантически осложненного простого предложения. Подобно тому как наличие одной только полипредикативности не является показателем «истинной сложности» сложного предложения, наличие в монопредикативном предложении одной только полипропозитивности еще не является показателем его семантической осложненности.

Очевидно, таким образом, что способность предложения (1) преобразовываться в сложноподчиненное предложение с придаточным определительным еще не является показателем его способности к выражению грамматического значения сложного предложения, как и в целом способность к преобразованию какого-либо компонента простого предложения в самостоятельную предикативную единицу не является показателем семантической неэлементарности этого простого предложения. Преобразовать в самостоятельную предикативную единицу в принципе можно все, даже именное словосочетание. Ср.: *Китептин сүрөтү* □ *Китептин сүрөтү бар.* Однако в этом случае «различение элементарных и неэлементарных предложений теряет смысл» (см. об этом: Прияткина, 1990, 120).

Под номинализацией понимается «механизм преобразования предикативных структур в именные» (см.: Арутюнова, 1980, 347) для их функционирования «в составе синтаксических конструкций более высокого ранга» (см.: Черемисина, Колосова, 1987, 30). В результате номинализации исходная структура превращается в субъект или предикат нового предложения. Не все условные конструкции способны к подобному свертыванию, потому что для большинства сложных предложений с условными придаточными характерна семантика гипотетичности. В анализируемых же простых предложениях с отношениями обусловленности между включенным и основным предикатом семантика гипотетичности исключается, такие предложения не могут быть гипотетичными в принципе. К компрессии способны лишь те условные конструкции, которые правильнее назвать потенциально условными, они, как показано в исследованиях В. С. Храковского, «выражают неоднократную, частую, периодически повторяющуюся или регулярно воспроизводимую связь ситуаций в неопределенном временном плане» (Храковский, 1994, 130).

Таким образом, в конструкции (1) атрибутивный определитель является модельно факультативным, в конструкции (2) – модельно обязательным компонентом (ср. невозможность элиминации атрибута).

Употребляя термины «модельная обязательность», «модельная факультативность», мы имеем в виду понятие семантической модели и степень значимости атрибутивного определителя для ее формирования. Здесь, на наш взгляд, необходимо оговорить и некоторые другие смежные понятия: структурная обязательность/факультативность, структурная схема (модель) предложения. Под структурной схемой обычно понимают отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения. Поскольку на практике бывает очень трудно решить вопрос о том, что есть минимум компонентов, необходимых для создания предложения, возникает вопрос о структурном минимуме предложения и о так называемых минимальных и расширенных структурных схемах (см.: Белошапкина, 1997, 720).

Как известно, существует два понимания структурного минимума предложения. Соответственно первому, в структурную схему вводятся лишь те компоненты предложения, которые образуют его предикативный минимум, то есть, по сути, подлежащее + сказуемое или главный член односоставного предложения. Исключаются все присловные распространители, в том числе и обязательные предсказуемые, без

которых предложение не может быть самодостаточной единицей (см.: Белошапкина, 1997, 718). В соответствии со вторым пониманием структурного минимума, обращенного «не только к формальной организации предложения как предикативной единицы, но и к смысловой его организации как номинативной единицы», в структурную схему включаются все присловные распространители, без которых предложение оказывается непригодным «к выполнению номинативной функции» (Там же). Таким образом, выделяют минимальные и расширенные структурные схемы предложений. Определение при этом не входит ни в расширенную, ни тем более в минимальную структурную схему (Там же, 794). Вопрос об обязательности/факультативности тех или иных второстепенных членов предложения не поддается непротиворечивой интерпретации, если пытаться решать его в рамках структурного синтаксиса. Необходимо обращение к другому уровню – семантическому и введение понятия семантическая модель предложения. Как известно, предложения, имеющие одну и ту же формальную модель (структурную схему), могут иметь разные семантические модели. И наоборот, одна и та же семантическая модель может быть репрезентирована различными формальными средствами.

Некоторые синтаксисты считают, что обобщенное типовое содержание предложения есть не что иное, как обобщенное типовое содержание его структурной схемы (семантика предложения есть семантика его схемы) (см об этом: Белошапкина, 1977, 116 и др.). Это так называемая формально-синтаксическая концепция семантической структуры предложения.

Однако более убедительной представляется точка зрения тех исследователей, которые считают, что моделирование смысла предложения с опорой на структурную схему отражает только поверхностно-синтаксическую структуру предложения. Схема не является фактором, определяющим семантику предложения, она лишь одно из слагаемых значения предложения (см.: Богданов, 1982, 19 и др.).

Подлинную структуру смысла, его глубинно-синтаксический уровень отражает семантическая модель. Выявление семантической модели связано с известными трудностями, поскольку она отражает глубинный, ненаблюдаемый непосредственно уровень. Нужны специальные приемы, которые позволяли бы исследователю выявить глубинную структуру. «Под глубинной структурой следует понимать способ организации его смысла» (Богданов, 1975, 6). Термины «глубинная структура», «семантическая структура» являются терминами-спутниками, они именуют один и тот же сигнификат, который может быть эксплицирован при помощи семантической модели. Главными «инструментами», с помощью которых можно произвести названную экспликацию, являются интуиция исследователя, данные грамматики и лексикографических источников, а также приемы, которыми располагает синтаксическая дериватология: трансформация, элиминация, субституция.

Существуют различные подходы к семантическому моделированию предложения. В ряде работ содержатся подробные очерки, освещающие разнообразные способы представления семантической структуры. Наиболее подробный очерк современных концепций смысловой структуры предложения представлен в работе В. В. Богданова, где анализируются формально-синтаксическая, субъектно-предикатная, предикатно-аргументная, концептуальная и некоторые другие концепции смысла предложения (см.: Богданов, 1982, 23–33).

Мы разделяем точку зрения автора данной работы, согласно которой, наиболее оптимальной является предикатно-аргументная концепция семантики предложения, поскольку «в ней учитывается как логическая основа смысла предложения, так и языковые способы его выражения» (Там же, 30). По мнению автора, «понятие глубинной структуры, сформулированное в терминах предикатно-аргументных отношений, дает лингвистике ту основу, на которой, собственно, только и может строиться изучение семантики предложения, ибо глубинная структура – это результат попытки сделать явным то, что принципиально ненаблюдаемо, а именно смысл предложения» (Богданов, 1975, 14). Мы согласны также и с тем, что при изучении семантики предложения

«значительные трудности может создавать синтаксис, который способен дезориентировать исследователя» (Богданов, 1982, 32). Автор считает возможным говорить об «искажающем влиянии синтаксиса при изучении семантики предложения».

Укажем на точку зрения Г. А. Золотовой, согласно которой простые предложения, в которых есть усложнение смысловой структуры, следует интерпретировать как полипредикативные на том основании, что в них представлено несколько значений модальности, темпоральности, персональности. Эти категории, составляющие основу предикативности, по мнению автора, могут быть выражены не только глаголом-сказуемым, но и другими членами предложения, и только наше «привычное морфологизованное (разрядка наша. – С.А.) восприятие мешает увидеть, что у единицы плана содержания должен быть и план выражения» (Золотова, 1995, 102).

Следуя этой логике рассуждений, мы могли бы сказать, что только привычное синтаксически ориентированное восприятие побуждает исследователя негативно оценивать роль определения в формировании семантической структуры предложения. Именно этого взгляда придерживается большинство синтаксистов (см., например: Белошапкина, 1997, 794; Касевич, 1988, 105; Кацнельсон, 1972, 158 и др.) Показательна в этом отношении следующая цитата: «определения и обстоятельства, входящие в состав распространенного предложения, не обладают и долей самостоятельности как в формально-грамматическом отношении, так и в смысловом (их значение полностью “поглощается” значением определяемого слова), а поэтому, в отличие от дополнения, они не могут претендовать на роль таких компонентов, которые могли бы внести существенные изменения в самую структуру предложения» (Кротевич, 1955, 16). Кажется очевидным, что предложения с определителем в присубъектной позиции, которые не поддаются элиминации, опровергают эту точку зрения.

Литература:

1. Абдуллаев С.Н. Структурно-семантические модели простого предложения. - Каракол, 2004.
2. Богданов В.В. О перспективах изучения семантики предложения // Синтаксическая семантика и прагматика. - Калинин, 1982. С. 22–38.
3. Валимова Г. В. Сложное предложение и сочетание предложений // Теорет. проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. - Л., 1975. – С. 183-190.
4. Золотова Г. А. Моно-предикативность и полипропозитивность в русском синтаксисе // Вопр. языкознания. 1995. № 2. - С. 99–109.
5. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л., 1972.
6. Кротевич Е.В. Предложение нераспространенное и распространенное // Вопросы языкознания. Львов, 1955. - С. 3–19.
7. Черемисина М.И., Озонова А.А. Синтаксис тюркских языков Южной Сибири. Простое предложение - Новосибирск, 2005. - С. 14